

Рецензия

УДК 72.01

doi: 10.25995/NIITAG.2024.22.1.016

АНДРЕЙ БОКОВ: ВОСПОМИНАНИЯ О «БУДУЩЕМ». НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОИСКИ В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Андрей Витальевич Кафтанов

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Москва, Россия, a.kaftanov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен критический взгляд на книгу А. Бокова «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия». В книге рассматривается малоизвестная проектная и интеллектуальная деятельность советских архитекторов в 1960–1980-е гг. Особое внимание уделено понятию «визионерства» в советской архитектуре, которое анализируется с позиции поисков «современности» и «актуальности». Раскрывается значимость этих явлений и процессов в истории архитектуры XX в.

Ключевые слова: визионерство, модернизм, поисковое проектирование, концептуальная архитектура, архитектурные конкурсы

Review

ANDREY BOKOV: MEMORIES OF THE “FUTURE”. INFORMAL SEARCHES IN SOVIET ARCHITECTURE OF THE LAST DECADES

Andrey V. Kaftanov

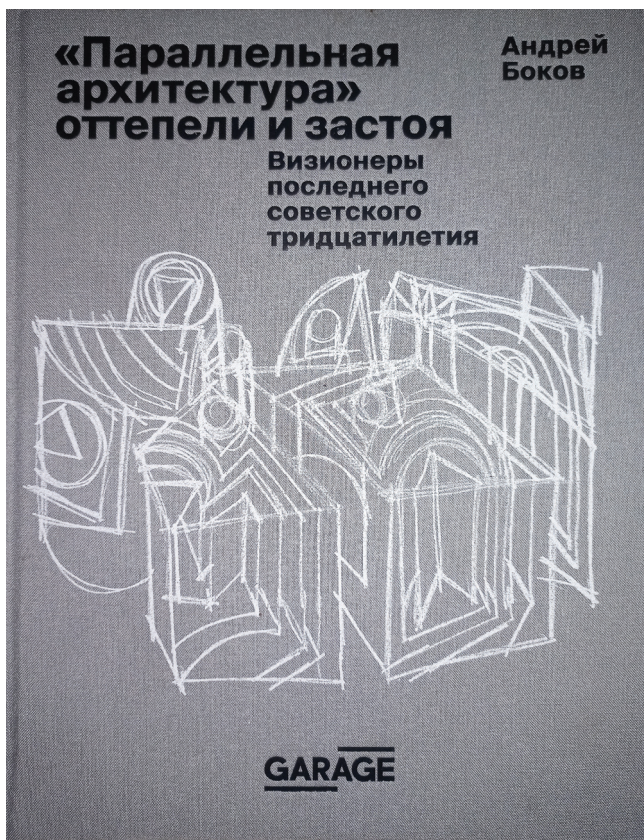
Branch of the Federal State Unitary Enterprise “Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation” NIITAG; Moscow, Russia, a.kaftanov@mail.ru

Abstract. The article presents a critical look at A. Bokov’s book “Parallel Architecture» of Thaw and Stagnation periods. The Visionaries of the last thirty Soviet years”. The book examines the little-known project activity and intellectual search of Soviet architects in the 1960–1980s. Special attention is paid to the concept of “visionary” in Soviet architecture, analyzed from the perspective of the search for “modernity” and “relevance”. The significance of these phenomena and processes in the history of architecture of the twentieth century is revealed.

Keywords: visionary, modernism, exploratory design, conceptual architecture, architectural competitions

Боков А. В. «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2024. 184 с. : ил. ISBN 978-5-6049360-4-7.

В конце января 2024 г. состоялась презентация новой книги Андрея Владимировича Бокова «Параллельная архитектура» оттепели

и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия». Как написано в краткой аннотации, она «посвящена малоизвестной, неформальной проектной и интеллектуальной деятельности советских архитекторов 1960–1980-х годов».

На библиотечной полке современных изданий о советской архитектуре появилась новая книга со сложным многоуровневым названием. Еще не открывая ее, читатель, даже вполне подготовленный, задумается о предьявленных в названии понятиях и смыслах, о «визионерстве в архитектуре», о «параллельности» происходящих в ней процессов, о периодизации рассматриваемого времени — между «оттепелью и застоём».

Возникающие вопросы заставляют более внимательно вчитываться в тексты, анализировать композицию книги, построенную на десяти самостоятельных главах, каждая из которых посвящена одному из векторов развития архитектурной культуры своего времени.

Чтобы соединить эти разномасштабные многоплановые события и процессы в единое русло «параллельной архитектуры», во введении

рассматривается возможность использования обобщенного понятия «визионерство», уже вошедшего в терминологию соседних с архитектуроведением дисциплин.

Автор предлагает рассматривать визионерство как «...способность описать и изобразить будущее, образ будущего, видение будущего, модель будущего» (с. 13), причем выделяя его, «визионерство», в самостоятельную форму деятельности. «В отличие от прикладной архитектуры визионерство порождает нечто виртуальное, принадлежащее миру идей и адресованное сознанию» (там же).

Погружаясь в текст введения, в предложенную автором историю проявления визионерских особенностей в архитектурных воззрениях, менявшихся вместе с развитием общества, постепенно убеждаешься в правомочности появления этого понятия. Представленные здесь параметры и особенности визионерства, окончательно сформировавшиеся в XX в., начинают влиять на значительное расширение границ архитектурной деятельности, смещая акценты с поиска ответов и решений на умение сформулировать сами задачи архитектуры, на расширение форм творческих высказываний — от традиционных графических до вербальных, художественных и даже музыкальных...

Одно это введение, изложенное логично и образно, обладает большим потенциалом к своему дальнейшему развитию, к более широкому использованию полученного инструментария в теоретической оценке архитектурных процессов, как прошлых, так и настоящих.

Изучение и интерпретации происходившего и происходящего в истории «нового времени» — занятие особо ответственное и не совсем благодарное. Многие современники имеют свои собственные представления, свои устоявшиеся со временем суждения. Неслучайно в своем введении к этой книге Владимир Зиновьевич Паперный, известный историк и культуролог, автор знаковой книги «Культура Два», постоянно возвращается к собственным воспоминаниям, ощущениям и оценкам.

Обращаясь к последнему тридцатилетнему периоду такого во многом уникального для XX в. явления, как советская архитектура, А. Боков всматривается в него уже с высоты прошедших после его завершения еще трех постсоветских десятилетий. Временная дистанция влияет на степень обобщений, на видение целостности явлений и процессов. А актуальность этого издания, неслучайность его появления мы понимаем в итоговом заключении книги, в самостоятельном достаточном тексте о трансформации профессии в 1990-е, о зарождении и развитии новой постсоветской парадигмы архитектурной деятельности, о новых, уже сегодняшних проблемах и, конечно, о судьбе советского визионерства. «С началом 1990-х тлеющий внутриархитектурный конфликт, порожденный и питавший “параллельную архитектуру” завершается...

Визионеры-мечтатели находят себе новые убежища в изобразительном искусстве... растет некая промежуточная зона “средовых искусств”, куда охотно устремляются видеоарт, акционизм, временные, мобильные объекты и многое другое, воплощающее видения и мечты» (с. 176).

Неслучайно эта книга создана именно сейчас, с появлением возможности объективных сравнений, сопоставлений, с приходом в активную архитектурную практику и науку уже нового поколения, отдаленного от советского периода, но по-новому открывающего его для себя. Обращаясь к этому поколению с робкой надеждой, автор говорит: «Новая картина мира, способная сопровождать очередной культурный цикл, если в будущем и возникнет, то в итоге синергетического акта — пробуждения визионерского сообщества...» (с. 181).

Для меня, занимавшегося в последние годы вместе с профессором Юрием Павловичем Волчком темой «Эволюция представлений о “современности” в послевоенной советской архитектуре», эта книга становится не просто интересной, но и важной и полезной. Рассматривая поиски «современности» в советской архитектуре 1950–1980-х гг. и опираясь на реальные и поисковые практики, мы определяли, что «современность» в архитектуре — это прежде всего поиски «будущего», но не бесконечно удаленного, а находящегося в пределах видимости, во временных границах всякий раз своего историко-культурного периода. Причем к особенностям этих поисков следует отнести то, что они в подавляющем большинстве велись в четко определенных, хотя и меняющихся границах архитектурной деятельности каждого своего десятилетия, в понятной прямолинейной системе координат. Предложенное же и сформулированное А. Боковым «визионерство», которое в меньшей степени зависимо от реальной проектной практики, находится также в «будущем», но в значительно более отдаленном, за горизонтом быстро меняющихся в XX в. представлений о «современности». И, более того, — охватывая и нередко вбирая в себя примыкающие к архитектуре пространства творчества, оно более многозначительно, выразительно и, конечно, нелинейно. Благодаря этой книге мы получили возможность увидеть и проследить во времени сложную и многоплановую, неоднородную картину отечественных новаторских поисков, нацеленных в «будущее», но так и оставшихся в ушедшем столетии...

Сама идея — собрать впервые под одной обложкой наиболее яркие явления, процессы, события и творческие портреты ярких, знаковых визионеров — заслуживает уважения и благодарности. Очевидно, что успешно эту задачу мог реализовать тот автор, который все эти годы не только наблюдал за происходящим, но и сам принимал участие в большинстве приведенных в книге событий, лично знал героев и участников.

Уникальность творческой биографии Андрея Бокова — в совмещении активной проектной практики (путь от архитектора до руководителя одного из ведущих проектных институтов Москвы) с серьезной научной теоретической работой. Доктор архитектуры, академик, Народный архитектор Российской Федерации, многократный лауреат самых престижных премий, активный участник общественно-профессиональной жизни, президент Союза архитекторов (2008–2016 гг.), — он был и остается одним из лидеров профессии, уважаемым представителями разных поколений носителем архитектурной культуры. Все это позволяет ему, отойдя от жестких рамок строго научного исследования, предъявить читателям свой собственный авторский подход к теме, иметь особый личный взгляд на происходившие в те годы процессы.

Сознательно отойдя от распространенного жанра мемуарной литературы, Андрей Боков находит здесь и индивидуальный, сложно повторяемый метод изложения. Научная аналитика доминирует, дается широкий круг обобщений, целостное авторское видение процессов с рефлексиями на мировой опыт. Авторская стилистика изложения образная, наэмоциональная, убедительная. Тексты, в целом лишённые однозначности оценочных суждений, придают дополнительный импульс к размышлениям, к диалогам с автором. В свою очередь мемуарная составляющая в большинстве своем выделена в самостоятельные, почти лирические новеллы, в короткие рассказы, в образные зарисовки: о людях, событиях, о себе...

Здесь можно отметить и весьма новаторский макет книги, ее композицию, где эти отступления от главного текста, а точнее — дополнения к нему со своими иллюстрациями, вполне органично вклиниваются в общее повествование самостоятельными подразделами. Образованные параллели в прочтении, эти рефлексии, возможно, призваны сделать дополнительный акцент на главной теме книги — «параллельность процессов».

Среди этих включений — размышления об удачной судьбе японских метаболистов, прорвавшихся в мировую архитектуру 1960-х гг., и об их современниках из СССР, априори лишённых возможностей реализации своих новаторских амбициозных идей (с. 15). Неслучайно, выбрав эту мысль в качестве эпиграфа, автор со сложно скрываемым критическим взглядом на протяжении всей книги анализирует сложившуюся советскую архитектурно-строительную систему, изначально неспособную даже к частичной реализации визионерских идей... «Шокирующим обстоятельством стала небывалая бюрократизация деятельности, появление суперминистерства — Госстроя СССР, в подчинении которого оказывается ведающий архитектурой Госгражданстрой. Основой политики становится переход к индустриальному строительству и типовому проектированию» (с. 23). И здесь А. Боков выходит на два крайне важных обобщения. В отличие от

других видов искусств, разделившихся на волне «послесталинской оттепели» на официальное и неофициальное с переходом в андерграунд — «параллельную культуру», архитекторы в силу специфики профессии сохраняли большее единство, занимаясь визионерством параллельно с работой в созданной в эти годы системе огромных проектных институтов.

Второе обобщение — взаимоотношение рутинного типового проектирования с постоянно уменьшающимся сегментом индивидуального, образного и эмоционального. Именно в нем, не благодаря, а вопреки, появляются яркие объекты — символы своего времени, своей «современности». И чем быстрее сужается сегмент не типового архитектурного творчества, особенно в 1970-е гг., тем активнее идет поиск альтернатив, в том числе в визионерстве.

В складывающихся реалиях, как бы сейчас сказали, «креативные представители профессии» обретают интерес к значительно более свободному творческому размышлению, к архитектурному рисованию. В этой главе автор, рисующий всю свою жизнь, выделяет самостоятельность этих занятий, безусловную свободу творческого высказывания и его бесспорную принадлежность языку архитектуры — современной, как модернистской, так и неомодернистской. Здесь вспоминается лаконичный и выразительный графический язык Рема Колхаса, подхватившего и развившего лучшие традиции из века двадцатого и дополнившего им новый век уже цифровой культуры.

Вторая ниша визионерства — архитектурные конкурсы. Во все периоды они сохраняли свободу творческих высказываний, объединяли вокруг себя представителей разных поколений, воззрений, оставаясь в истории архитектуры яркими событиями-катализаторами для последующих творческих исканий. В этом разделе книги мы находим анализ изменения самой парадигмы их проведения, начиная с 1960-х гг., когда векторы творчества стремительно разворачиваются в «будущее», в поиски не столько образных его черт (к этому будет постепенный возврат с середины 1970-х), сколько к обретению совершенно новых социальных макромоделей его обустройства. «Картина архитектурного будущего на протяжении всех семи десятилетий советской власти складывалась из двух частей — ближайшего социалистического будущего, вполне осязаемого и конкретного, и крайне обобщенного, неопределенного, далекого, но святого коммунистического будущего» (с. 95).

Предложенная в книге трехуровневая конкурсная система — на типовые объекты, на более редкие индивидуальные и на «конкурсы идей» в целом — вначале подчинялась общей системе ближнего и далекого будущего. Но со временем, с ослаблением идеологических установок, с разрастанием вокруг реального типового однообразного окружения эта система начинает испытывать внутренние противоречия. Примечательно,

что практически все представленные в книге проекты и объекты античные... Они как бы иллюстрируют манифесты их авторов на активное творческое противопоставление своих поисков реалиям массовой архитектурно-градостроительной практики в те годы. В конкурсных проектах с их свободой высказываний это особенно заметно. Даже в работах А. Бокова конца 1960-х гг. (с. 51–53) мы видим сгусток идей, сложнейшее формообразование, поиски собственного авторского почерка.

Яркая персонифицированная авторская архитектура уж точно не могла быть по достоинству оценена тем жюри и тем более реализована. Но, будучи составной частью той советской архитектуры, зарегламентированной экономическими и технологическими особенностями, эта поисковая визионерская архитектура все равно принадлежит той самой единой культуре. И данная книга тоже про это — про две стороны одного явления, про их взаимную зависимость, про эту уникальность самого явления — советской архитектуры.

Об этом говорится и в следующем разделе, посвященном образованию, науке, творческим студиям, школам. Здесь стоит отметить подробный рассказ об особенностях МАРХИ, не стремившегося в эти годы перейти на подготовку столь востребованных в стране проектировщиков и сохранившего свои традиции классического архитектурного образования. «Подчинить практическую архитектурную деятельность интересам стройиндустрии оказалось проще, чем перепрограммировать школу и доходчиво объяснить студенту, что строитель не нуждается в его визионерских открытиях» (с. 79). Вспоминая свое обучение в конце 1970-х гг., могу полностью согласиться с автором, что МАРХИ был «островом свободы», на котором поощрялись поиски, новации, эксперименты, где себя полноценно ощущали профессоры, представители разных поколений и школ. Несмотря на разносторонние знания (более пятидесяти курсов и дисциплин), в 1980-е далеко не все выпускники приживались в проектных институтах, где особенности реальной практики быстро нивелировали заложенные в институте романтические представления о профессии. В этом разделе приводится широкий спектр непроjektных сфер архитектурной деятельности — от науки и экспериментальных лабораторий до детских школ, семинаров и творческих дискуссий, значение которых возрастает на фоне критического осмысления результатов двадцатилетнего периода массового типового индустриального домостроения.

«Города будущего», о которых еще так недавно мечталось на волне оттепели, к концу 1970-х замещаются уже построенными новыми городами и новыми районами, которые, мягко говоря, оказываются далеки от задуманных идеалов. Так и не была реализована ни в районах «пятиэтажек», ни потом программная концепция жизни нового советского человека в новых районах и микрорайонах с пространственной

функционально развитой, эстетически осмысленной средой, призванной дополнить, сгладить минимальные размеры типового жилья. И векторы поисков, взгляды визионеров разворачиваются из «будущего» в «современное» и даже «прошлое»... Эти поиски через «средовое проектирование», через повышение значимости «исторического контекста», через развитие «дизайна городской среды» подробно рассмотрены в книге.

Парадоксально — этот крайне высокий градус междисциплинарной творческой активности вновь остается в стенограммах дискуссий, в поисковых разработках, в собственно «бумажном» виде. И сама «бумажная архитектура», как явление, которой здесь уделено повышенное внимание, вырастает из этих, оказавшихся беспомощными, попыток гуманизации реально сложившегося окружения. Достаточно вспомнить, что проект пешеходного Арбата А. Гутнов смог реализовать только благодаря прокладке по улице нового коллектора, а идеи комплексной среды в массовой практике частично были реализованы Е. Стамо при строительстве района Крылатское лишь в середине 1980-х.

Предъявленное в книге, собранное воедино «параллельное творчество», а именно так говорит автор о параллельности творческих процессов в той архитектуре, значительно обогащает наше знание. Новые проекты, их авторы, события занимают свое достойное место в пока так и не написанной полноценной истории советской архитектуры. Одновременно в этой представленной нам системе возвращается к своему новому прочтению и забывавшееся в постсоветские десятилетия знание. Можно предположить, что эта книга станет катализатором новых научных исследований, возможно, откроет серию изданий «Визионеры советской архитектуры».

Отдельно еще предстоит дополнительно изучить с этих позиций наиболее яркий, эмоционально окрашенный ощущением «будущего» период — первое послесталинское десятилетие, с конца 1950-х по конец 1960-х. В книге этому времени уделено значительное внимание, но, будучи неразрывно связанным с активной экспериментальной и новой для того времени проектной практиками, этот самостоятельный «визионерско ценный» ранний советский модернизм нуждается в более подробном предъявлении.

Здесь в качестве отступления можно вспомнить наш с А. Боковым опыт формирования официальных выставок современной российской архитектуры на конгрессах Международного союза архитекторов. Традиционно в них включались лучшие работы, отмеченные премиями на фестивалях «Зодчество». Они вызывали сдержанный интерес, в отличие от привозимых нами выставок тематических, которые неизменно были в центре внимания. Так было в Токио в 2011 г., куда я привез экспозицию «Наследие советского модернизма 1960-х», а Я. Усов выставку «Арктическая архитектура Александра Шипкова», отраженную в этой книге

(с. 101). Так было и в Берлине в 2002 г., где были моя выставка и доклад «Архитектура на Орбите. Проекты для советской космической программы архитекторов Г. Балашовой и И. Козлова» (подробнее см.: А. Кафтанов. Архитектура на орбите // Проект Россия. 2000. № 1 (15). С. 11–48), показавшие впервые на международном уровне ранее скрытые под завесой секретности архитектурные проекты кораблей «Союз», станций «Салют» и «Мир» Галины Балашовой и поисковые и реальные проекты лунной базы, над которыми коллектив, возглавляемый архитектором Игорем Козловым, работал в КБ под руководством В. П. Бармина вплоть до 1989 г. Уникальные разработки И. Козлова, бесспорного визионера, жившего не только в «будущем времени», но в ином для профессии космическом пространстве, могли бы достойно войти в эту книгу.

Сохраняющийся у наших зарубежных коллег большой интерес к периоду советской архитектуры, к его уникальности в истории XX в., не всегда дооцененный нами самими, позволяет предположить большой успех книги Андрея Бокова при ее переиздании на иностранных языках. Собранные и предъявленные в ней новые грани этого явления могут и должны занять свое достойное место в ретроспективной панораме современной архитектуры мира.

Об авторе:

Кафтанов Андрей Витальевич — вице-президент Союза архитекторов России, действительный член и вице-президент московского отделения Международной Академии архитектуры, профессор Международной Академии архитектуры, советник РААСН, член рабочей программы Международного союза архитекторов «Наследие», старший научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»). Автор более 170 опубликованных научных работ по истории архитектуры XX века и новейшей практике, в том числе более 30 — на иностранных языках. Лауреат международных архитектурных смотров, российских фестивалей «Зодчество» и «Золотое сечение». Почетный архитектор России.

About the author:

Andrey Kaftanov — Vice-President of the Union of Architects of Russia, full member and Vice-President of the Moscow branch of the International Academy of Architecture, advisor to the RAACS, member of the work program of the International Union of Architects "Heritage", senior researcher at NIITIAG (Branch of the Federal State Unitary Enterprise "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation"). The author of more than 170 published scientific papers on the history of architecture of the twentieth century and the latest practice, including more than 30 in foreign languages. Laureate of international architectural reviews, Russian festivals "Architecture" and "Golden Section". Honorary Architect of Russia.